

А. И. Буковецкий

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС 1904—1905 гг. (Первая редакция)

Крымская война разрушила денежную систему, действовавшую в последние годы правления Николая I, созданную тогдашним долголетним министром финансов Е. Ф. Канкриным. На сорок лет возвратилась в России бумажно-денежная система со всеми ее отрицательными в условиях капитализма сторонами. Бурное развитие капиталистического хозяйства, постройка железных дорог, создание для них металлургической и угольной промышленности требовали широкого притока иностранного капитала в России как в форме государственных займов, так и ввоза иностранного капитала в форме акционерного и облигационного капитала частных предприятий. Широкое привлечение иностранного капитала являлось одной из основных задач всей экономической политики последних двадцати лет царского режима.

Для организации постоянного притока в страну иностранного капитала как в государственные займы, так и для организации частных промышленных предприятий, необходима гарантия, что занятые капиталы и проценты по ним будут оплачиваться в твердой валюте, что страна, желающая занять миллиардные суммы, будет их оплачивать надлежащим образом. Отсюда особый интерес министров финансов этого времени к возможности восстановления размена кредитных билетов на золото. Министры финансов Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградский подготавливали условия для восстановления размена. С. Ю. Вите удалось, опираясь на накопленный запас золота, восстановить размен путем девальвации на базе нового золотого рубля в 17,426 доли чистого золота (Закон 3 января 1897 г.).

Одновременно был принят эмиссионный закон, по которому количество непокрытых золотом кредитных билетов, выпускаемых Государственным банком, не могло превышать 300 млн руб. Кроме этих трехсот миллионов рублей, всякий кредитный рубль, выпущенный в обращение, имел 100%-ное золотое обеспечение. Переход к золотой валюте и восстановление размена кредитных билетов были основными экономическими проблемами для царского правительства в период формирования монополистического капитализма и связанной с ним империалистической политики. Бумажные деньги с вечно колеблющимся курсом были одним из препятствий к развитию империалистической политики. Без золотой валюты нельзя было создать стратегических железных дорог, нельзя было построить большой флот, нельзя было перевооружить армию, нельзя было приступить к созданию военной промышленности. Один из первых исследователей денежной реформы 1897 г. проф. Г. фон Шульце-Гевеверниц правильно отметил, что «реформа денежного обращения представляет финансовую сторону русской военной политики» (Шульце-Гевеверниц, 1901, с. 384).

Денежная реформа 1897 г. была основным стержнем дальнейшего развития русского народного хозяйства. Нельзя не признать исключительной важности для народного хозяйства России этого мероприятия, но следует отметить ее теневые

стороны. Первое и самое главное было то, что она была проведена за счет пота и крови рабочих и крестьян. Она дала возможность быстрого роста крупной промышленности. Она создала не один десяток русских миллионеров и в то же время имущие классы, экономически выигравшие на реформе 1897 г., не дали, в буквальном смысле слова, ни одного гроша на проведение этой реформы. При всей необходимости реформы, в том виде, в каком она была осуществлена и при тех условиях при каких должно было существовать созданное ею денежное обращение, в ней был органический порок. Уже при ее обсуждении в Государственном совете противники реформы совершенно правильно указывали, что при наличии пассивного платежного баланса России, удержать золото в стране можно будет только при помощи ежегодно производимых иностранных займов, увеличивающих заграничную задолженность и увеличивающих пассивность платежного баланса. Так и случилось. Хронические дефициты по платежному балансу вызывали постоянный отлив золота из страны и необходимость в срочных внешних займах, производимых открыто от имени государства или в завуалированной форме от имени частных железных дорог. Каждый такой заем, повышая заграничную задолженность, ухудшал платежный баланс.

Кроме того, при проведении денежной реформы 1897 г. сотрудники Витте И. П. Шипов, Б. Ф. Малешевский, Э. Д. Плеске, А. Н. Гурьев придавали какое-то особое значение непосредственному денежному обращению в стране. Видя во Франции и Англии, что даже в торговых сделках на улице обращается серебряная и золотая монета, они вынесли твердое убеждение, что прочное денежное обращение будет только тогда, когда не только будет существовать размен на металл, но когда фактически товарооборот будет в значительной мере обслужен звонкой монетой. При производстве платежей в Государственном банке было приказано часть платежа до 20%, а для некоторых случаев до 40% выплачивать обязательно золотом.

Почти миллиард рублей золотом был истрачен благодаря тому обстоятельству, что часть сотрудников Витте имела чисто обывательские представления о денежном обращении. Этот, истраченный зря миллиард, был собран путем заграничных займов и увеличил задолженность государства и ухудшил платежный баланс.

Одна из многочисленных официальных историй Министерства финансов в таких эпических тонах повествует об этой изумительной политике русского министерства финансов: «Со времени введения золотой валюты, кассы Банка лишь по особым требованиям публики выдавали кредитные билеты, все же остальные платежи производились золотом и высокопробным серебром, чтобы приучить население к золотой монете и заполнить ею каналы денежного обращения» (Министерство финансов, 1914, с. 38)¹.

Это была не демонстрация успехов денежной реформы, а методически проводимая политика, которая обошлась почти в миллиард рублей. Русский рабочий и крестьянин оплатили теоретическую безграмотность царских финансовых чиновников.

Финансовый кризис 1905—1906 г. в момент своего возникновения был связан с ходом Русско-японской войны, а в своем дальнейшем развитии всецело определялся развитием первой русской революции.

Едва ли были случаи в мировой истории, когда война началась при таком неравенстве финансовых ресурсов, как началась Русско-японская война. Среди русских и иностранных специалистов была глубокая уверенность, что все преимущества в финансовом отношении находятся на стороне России. Такое же было мнение К. Гельфериха в Германии, П. Леруа-Болье во Франции (тогдашних крупнейших европейских специалистов). Буржуазные специалисты никак не могли отрешиться от ослепляющего эффекта сотен миллионов золота, нахо-

¹ См., также (Шульце-Геверниц, 1901, с. 397; Парвус, 1906, с. 59; Мигулин, 1908, с. 46—47).

дящегося в распоряжении русского правительства. Они не учитывали экономической слабости страны, напряженности ее ресурсов, наличия глубочайших социальных противоречий в России, всегда могущих вылиться в величайшую революционную бурю, а также исключительной бездарности русской бюрократии, не обладающей ни знаниями, ни талантливостью.

Начиная войну с Японией, заправили русской царской внешней палаты, совершенно не представляли размер усилий, которые надо сделать, чтобы достичь разрешения тех авантюрных задач, о которых они мечтали. Царские вельможи стремились создать Желтороссию и полагали, что это можно сделать путем небольшой военной прогулки, для которой достаточно небольшое количество войск. Думали о небольшой колониальной экспедиции, приносящей быстрые победы и лавры. Для очередного фаворита Николая II, занимавшего с почти диктаторскими полномочиями пост министра внутренних дел В. К. Плеве, «маленькая победоносная война» с Японией казалась желательным противоядием против революции (Витте, 1960, т. 2, с. 291). Отсюда и полная неподготовленность не только в военном отношении, но и в финансовом. Отсюда чрезвычайная беспечность Министерства финансов в первые месяцы Русско-японской войны.

Как самодержавие не могло найти талантливых генералов для своих манчжурских армий, так оно не могло найти и крупных людей для руководства финансами во время войны. Если типичный военный бюрократ царского времени, как адмиралы Е. И. Алексеев и А. Н. Куропаткин, были поставлены во главе манчжурских армий, такой же типичный бюрократ царского времени В. Н. Кокцов появился во главе Министерства финансов с самого начала Русско-японской войны.

Начиная свою работу, как руководитель Министерства финансов, Кокцов заявил, что у него нет программы и что он будет поддерживать существовавшую финансовую систему, т. е. систему, созданную при Витте.

Как Генеральный штаб Военного министерства царского правительства не мог определить предстоящие размеры военных операций на Дальнем Востоке, так и министерство финансов не заботилось сколько-нибудь ориентироваться в размерах предстоящих расходов. Даже биржевая паника на Петербургской бирже в феврале 1904 г. и быстрое падение русских бумаг в Париже, Лондоне и Берлине не заставили Министерство финансов выйти из своего чрезвычайно спокойного положения.

В первый месяц войны Государственный банк (31 января) произвел дополнительный выпуск кредитных билетов в 50 млн руб. По существу это было первое и единственное срочное мероприятие для финансирования войны. Свободная наличность Государственного казначейства на 1 января 1904 г. была равна 381 млн руб. и в Министерстве финансов, исходя из опыта стоимости военных операций по разгрому боксерского движения, находили, что этой суммы будет вполне достаточно.

По Государственному банку был принят ряд мероприятий, во-первых, были смягчены распоряжения относительно обязательной выдачи золотой монеты из касс Банка по его операциям и была допущена более свободная выдача кредитных билетов 3-х рублевых купюр и в некоторых районах билетов 5- и 10-рублевого достоинства, а в Сибири, сверх того, однорублевого достоинства, во-вторых, было решено платежи по мобилизации производить по преимуществу кредитными билетами, а также, в отличие от войны 1876—1878 гг., производить все расходы по содержанию войск в Маньчжурии кредитными билетами. В отличие от правил снабжения войск денежными суммами во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. воздержаться от выдачи золотой монеты войскам, находящимся за пределами государства (Государственный банк, 1910, с. 13).

В начале марта 1905 г. Министерство финансов твердо верило, что война кончится в значительно короткий срок, что численность армии на Дальнем Востоке не превысит 300000 человек, что расходы по ведению войны не намно-

го превзойдут расходы на китайскую кампанию по разгрому боксерского движения и будут не больше 100 млн руб. Ряд мер по Министерству финансов исходил из этого предположения (Отчет за время.., 1913, с. 2).

Иное мнение было в военных кругах. Один из главных участников Русско-японской войны военный министр А. Н. Куропаткин, еще до своей поездки на Дальний Восток в 1903 г., в общем довольно ясно представлял величину расходов Русско-японской войны. В знаменитом совещании 26 марта 1903 г., где было решено принять политику А. М. Безобразова, сторонников перехода к агрессивным мероприятиям, во многом предопределившем Русско-японскую войну, он заявил, что «стоимость войны с Японией по приблизительному расчету, при продолжительности в полтора года, составила бы 700—800 млн руб. и обошлась бы в 35000—50000 жизней» (Пролог Русско-японской войны, 1916, с. 13; Витте, 1911, с. 48).

В обширной докладной записке, представленной министром финансов Коковцовым Комитету финансов в марте 1904 г., вся проблема ближайших мероприятий по финансам сведена к вопросу о сохранении размена. В этом же духе шли и прения в Комитете финансов. Комитет признал, что в условиях войны с Японией, основной и главнейшей задачей финансового ведомства является сохранение размена. Витте высказал соображение, что, если даже военные расходы поднимутся до одного миллиарда, то и тогда задача сохранения размена будет вполне реальна (Русские финансы.., 1926, с. 32—76).

В этом заседании Витте дал очень интересную постановку вопроса о размене. Он заявил, что в условиях данного политического кризиса он является сторонником борьбы за размен, «нельзя было бы высказаться по сему вопросу с той же определенностью, если бы имелась в виду большая европейская война, стоимость которой не поддается никаким исчислениям». «В такие войны, — говорит он, — ни одно государство не выдерживало валюты, Англия и Франция приостанавливали размен (хотя по окончании военных действий им удавалось весьма скоро его восстановить). Но и тогда пришлось бы тщательно взвесить последствия от прекращения поддержки валюты» (Русские финансы.., 1926, с. 65—66). Витте подчеркивал в своем выступлении, что наличие большого заграничного долга резко отличает Россию от других стран. Он указывал, что золото, запечатое в кладовых банка, при отказе от размена, удержать в России будет чрезвычайно трудно. «Нам придется оплачивать наши металлические займы, покрывать разницу по международному расчетному балансу и производить многие расходы на войну все же золотом, и на эти обороты нужно будет расходовать или вышеупомянутые золотые запасы или, приберегая эти запасы, покупать золото на обесценивающиеся кредитные рубли по постоянно понижающемуся курсу» (Русские финансы.., 1926, с. 65—66).

В целях охраны золотых запасов, Комитет финансов рекомендовал производить все платежи за Байкалом кредитными билетами. В этом исключительном по важности заседании Комитета финансов никаких других мероприятий по финансированию войны не было намечено. Это заседание Комитета финансов определило последующую финансовую политику Коковцова. Политика эта заключалась не только в том, чтобы щедро рукой предоставить военному и морскому ведомствам все необходимые им во время войны денежные средства, но и в том, чтобы в продолжении военных действий, «пока они ограничиваются борьбой с Японией, не прекращать размена кредитных билетов на золото и тем не расстраивать денежного обращения, которое с великим трудом было исправлено в интересах экономического процветания России и обеспечения устойчивости ее кредита на мировом рынке» (Русские финансы.., 1926, с. 94).

Когда же в конце 1904 г. В. Н. Ламздорф и Николай II попытались поднять вопрос о более решительной внешней политике и о дальнейшем увеличении вооружения для поддержки такой политики, Коковцов вновь им разъяснил, что в условиях России покрытие расходов военного времени налоговыми ресурсами

совершенно исключено, так как: «Для России такой способ представляется тем более недопустимым, что платежные силы ее, как о том неоднократно свидетельствовали и государственный контролер и министр финансов, уже напряжены до крайней степени. Как следствие этого напряжения, оскудение центра России стало несомненным фактом и, постепенно распространяясь, оно захватывает все большие и большие районы». «В таких условиях все, на что можно было надеяться от усиления обложения, — это извлечение средств, достаточных отнюдь не для подготовки России к новой большой войне или к общему увеличению нашей боевой готовности, но разве только для покрытия процентов по займам, которые были и будут заключены Россией для надобностей настоящей войны». «Единственным остающимся средством в распоряжении остается, следовательно, государственный кредит». Коковцов не упустил случая указать, что только внешний кредит в форме займов, совершаемых на внешнем рынке, может дать средства для ведения войны (Русские финансы., 1926, с. 94).

Коковцов попытался получить небольшие ресурсы путем сокращения государственного бюджета на 1904 год. Вновь пересмотренный бюджет на 1904 г. позволил высвободить 115 млн руб. Кроме того, небольшие суммы были получены путем закрытия целого ряда кредитов по прежним государственным росписям. Благодаря медленности мобилизации, мобилизационные расходы в первые месяцы не превышали 90 млн руб.

Уже в апреле 1904 г. выяснилась необходимость прибегнуть к займу, главным образом, для усиления средств казначейства для оплаты внешней задолженности. Коковцов прежде всего постарался использовать французский рынок. Для покрытия расходов первых трех месяцев была вполне достаточная свободная наличность Государственного казначейства.

23 апреля 1904 г. были выпущены 5%-ные обязательства Государственного казначейства с погашением через пять лет — на сумму 300 млн руб. Реализация была произведена по 94,4. Фактический процент был равен 6% годовых, т. е. русское правительство с первых же месяцев войны повысило процент по своим займам. Заем был чрезвычайно выгоден банкам.

Большая часть золота, поступившая по этому займу, по предварительным условиям, которые не были опубликованы, была оставлена за границей и пошла на оплату срочных платежей, а также заграничных военных заказов во Франции.

30 июля 1904 г. Коковцов провел внутренний заем на сумму в 150 млн руб., выпустив в обращение в форме 6 серий билеты Государственного казначейства, приносящие 3,6%. Они были выпущены сроком на четыре года (Мукосеев, 1914). После 4 лет они, или подлежали выкупу, или обмену на новые серии, или консолидации в долгосрочные облигации.

Перед началом переговоров об апрельском займе 1904 г. Коковцов написал русскому послу в Париже А. И. Нелидову, что стоимость войны по вычислениям Куропаткина, при наличии военных действий в течение полутора лет будет равна 600 млн руб., а он сам рассчитал, что стоимость войны в течение полутора лет не будет больше 700—760 млн руб.

Летом 1904 г., когда военные неудачи царизма на Дальнем Востоке вполне определились и ожидалось падение Порт-Артура, Витте удалось, путем уступок по торговому договору, добиться от Германии разрешения на заключение займа в Берлине. Витте, с присущим ему хвастовством, рассказал в своих мемуарах, как он вырвал у Бюлова согласие на проведение русского займа в Берлине. По словам Витте, дело было так. Он довел до конца переговоры о торговом договоре, живя вместе с Бюловым на острове Нордернее (летом 1904 г.), а, закончив переговоры, он внезапно выехал в Берлин. На другой день туда приехал Бюлов. «Тогда я заявил, что не подпишу договора, который уже лежал в готовом виде, пока не получу официального обязательства об открытии немецкого денежного рынка» (Витте, 1960, т. 2, с. 318).

Для Вильгельма II было чрезвычайно выгодно увязание России на Дальнем Востоке. Он опасался, что при отсутствии денег царское правительство пойдет на мир. (Это был период максимального заигрывания со стороны правительства Вильгельма II с русским правительством, точнее с Николаем II). Гульский инцидент помог в этом Германии. Так как русской эскадре З. П. Рожественского, добравшейся до Северного моря, чуть ли не на каждом шагу мерещились атаки английского флота, то сочувствие Вильгельма II к страдавшим русским морякам находило благодатную почву. А это сейчас же превращалось в дивиденды немецких займов.

Германское правительство поспешило благоприятным образом настроить берлинские банки с Мендельсоном во главе в пользу русского займа. Мендельсону удалось получить от Коковцова более выгодные условия, чем были даны французским банкам в марте 1904 г. Русское правительство выпустило на берлинском рынке, при участии голландских фирм 4,5% заем 1905 г. (Указ 15 декабря 1904 г.). Реализационная цена была 90,5. Вознаграждение по займу составляло 6,5%. Вырученные суммы шли на расчеты по заказам в Германии и на уплату процентов пограничным займам. Взносы подписных сумм производились в течение целого года. Так же, как по французскому займу 1904 г., так и по этому займу, все инкассированные суммы остались за границей у банкиров, проведших заем.

8 марта 1905 г. правительство выпустило первый внутренний долгосрочный заем на сумму 300 млн руб., погашаемый через 45 лет: выкуп или конверсия были отсрочены до 1917 г. Реализационная цена этого займа была 95,5. К этому времени выяснились чрезвычайно большие расходы войны; снова надо было искать денег. Занятых денег не хватало.

В начале января 1905 г. началась первая русская революция. Царскому правительству пришлось воевать не только на Дальнем Востоке с Японией, но и на улицах Петербурга с русским рабочим классом.

Январские дни 1905 г. в Петербурге были первыми днями выхода тысячных рабочих масс на улицу. Выведенные на улицу провокатором Г. Гапоном рабочие массы имели еще неизжитые иллюзии. Утренние залпы 9-го января разрушили эти иллюзии. Победа на площади Зимнего дворца осталась за царскими батальонами. Рабочие, вышедшие на улицу безоружными, убедились, что они должны вернуться на эту площадь вооруженными и вполне готовыми принять самый жестокий бой.

Движение, начавшееся в Петербурге, бурно развернулось по всей стране. Это не смущало еще капиталистов. Крупнейшие гешефтмахеры того времени — Нещин и Отингер, представители парижских банков, приехали в Петербург. Они вели переговоры как раз в момент Мугденских боев. Их тактика заключалась в возможно большем затягивании переговоров. Условия были выработаны и 1 марта 1905 г. должна была состояться подписка. К вечеру 28 февраля были подтверждены слухи о полном отступлении армии Куропаткина от Мукдена. Банкиры утром не пришли подписывать контракт, а внезапно уехали в Париж.

Французская буржуазия в лице своих финансовых верхов нашла рискованным давать деньги царскому правительству, одновременно ведущему неудачно внешнюю войну с Японией и с переменным успехом внутреннюю войну. Отказ французских банкиров был большим ударом для царского правительства, но на помощь царской России пришла Германия, которая со времен Бисмарка противилась выпуску русских займов на Берлинской бирже.

Балтийский флот все еще двигался по волнам океана. Цусимская катастрофа была еще впереди. Будет ли выиграно или будет проиграно великое сражение в Тихом океане, этот флот больше не вернется в Балтийское море и господство флота Вильгельма II в балтийских водах будет бесспорное, а если не будет заключен мир, Балтийский флот сможет снова вернуться в Кронштадт, что не было выгодно Германии. Поэтому Мендельсон получил разрешение дать еще денег России (Бюлов, 1935, с. 301—302).

Берлинские банки дали царскому правительству деньги в форме учета краткосрочных обязательств Государственного казначейства, с обязательством воз-

вратить занятые суммы через год. Царское правительство получило 150 млн руб. и согласилось платить 7% годовых. Балтийский флот шел по Индийскому океану дальше к Цусиме.

Цусимское поражение царской эскадры окончательно закрыло кредит России на западных рынках. «Нам уже иностранный кредит совершенно закрыт», — писал Витте 23 июля 1905 г. (К переговорам..., 1925, с. 20). Но еще большая армия под командой Н. П. Линевича стояла в Манчжурии против японцев. К ней тянулись по Сибирской железной дороге подкрепления, обозы, боевая амуниция.

Внутри страны тоже продолжалась война. Горели помещичьи усадьбы и казачьи отряды перебрасывались по железным дорогам и галопом летели от усадьбы к усадьбе. Пушки «Потемкина» гремели на Черном море (7—15 июня). Поступление налогов быстро падало. Коковцов еще раз обратился к внутреннему денежному рынку. 23 июля 1905 г. издается указ о выпуске внутреннего государственного 5%-ного займа 1905 г. Заем выпускается на 48 лет на сумму 200 млн руб. Погашение начиналось в 1906 г. Несмотря на низкий эмиссионный курс, заем почти нельзя было разместить. Только усиленная выдача ссуд под облигации займа Государственным банком несколько спасла дело.

В маленьком американском городке Портсмуте 20 августа 1905 г. Витте удалось заключить мир с Японией. Войне внешней был положен конец.

Сводная таблица военных займов 1904—1905 гг. (в млн руб.)

Наименование займа	Номинальная сумма	Выручено царским правительством
Внешние займы:		
1. 5%-ное свидетельство государственного казначейства в Париже в мае 1904 г.	300	252
2. 4,5%-ный заем в Берлине	231,5	209,5
3. 5%-ные краткосрочные обязательства в мае 1905 г. в Берлине	150	142,9
Всего	681,5	634,4
Внутренние займы:		
1. 3,6%-ные серии, август 1904 г.	150,0	150,0
2. 5%-ный внутренний заем, апрель 1904 г.	200,0	188,0
3. 5%-ные краткосрочные обязательства, май 1905 г.	50,0	47,6
4. 5%-ный внутренний заем, июль 1905 г.	200,0	190,0
Всего	600,0	575,6
Итого	1281,5	1210,0

Но война внутренняя расширялась. Правительство не могло потушить революционный пожар репрессиями. Войска были еще на Востоке. Возврат армии требовал не только времени, но также и денег. Глубоким революционным движением был охвачен центр страны, Польша, Латвия, Эстония, весь Кавказ и, в особенности, Грузия.

В распоряжении правительства не было возвратившихся из Манчжурии войск, имевшимся под рукой войскам оно не могло доверять и поэтому оно шло на уступки, пытаясь договориться с буржуазией за счет крестьянства и рабочих (Морской, 1911, с. 74; Витте, 1960, т. 2, с. 378).

6-го августа правительство издало положение о так называемой «Булыгинской» (совещательной) Думе. К осени 1905 г. революционное движение охватило всю страну.

В октябре борьба между царизмом и пролетариатом приобрела особенно грандиозные формы. 7-го октября началась железнодорожная забастовка. 13-го октября, по указаниям большевистской партии, образуется Петербургский Совет рабочих депутатов. Совет рабочих депутатов, захваченный меньшевиками, не дал революции всего что он мог дать, но по его примеру, в ряде других городов, и в частности в Москве, были построены новые революционные организации пролетариата. Не с разрозненными отрядами рабочих, разбросанными по

фабрикам и заводам, пришлось теперь иметь дело царскому правительству, а с рабочим классом, организованным в Советы, условия борьбы резко изменились. Пролетариат в своих советах имел свой штаб, который руководил действиями революционной рабочей армии.

Всеобщая политическая забастовка достигает максимального развития к 16 октября 1905 г. Царское правительство решается пойти на частичные временные уступки для раскола революционного движения. Оно издает манифест 17 октября о законодательной думе и создает правительство Витте-Дурново. Задача нового правительства, прежде всего, подавить революцию и дать возможно меньше из обещаний 17-го октября. Буржуазия в лице кадетов и земцев, быстро пошла на сговор с правительством, довольствуясь царскими обещаниями. Иная позиция была у пролетариата, руководимого большевиками. Московский Совет рабочих депутатов стремился подготовить вооруженное восстание. 6-го декабря Московский Совет рабочих депутатов объявил третью политическую забастовку и начал восстание. 9-го декабря на улицах Москвы появились первые баррикады. Царское правительство пустило в ход артиллерию. В самый разгар первой политической стачки, в первые недели октября, в Петербурге были представители различных французских и английских и даже американских банкирских домов и банков. Они съехались, предполагая, что Портсмутский мир даст им возможность провести грандиозную международную операцию и нажать за счет русского народа миллионные барыши. Коковцов вел с ними переговоры. Министерство финансов предполагало заключить заем в 1 250 000 млн франков. Так как мир был заключен и Япония получила по Портсмутскому договору только вознаграждение за содержание пленных в размере 41 млн руб., то европейские капиталисты не видели препятствий для предоставления займа русскому царскому правительству (Торгово-промышленная газета, 1905, № 224).

Дружно банкиры Англии, Германии, Франции и Соединенных Штатов шли на эту сделку, сулившую большие выгоды, но паралич железнодорожного движения, но замирание жизни в таком большом городе, как Петербург, — поразило банкиров.

Представители международного консорциума Э. Море из Парижа и А. Фишель — один из главных уполномоченных Мендельсона, решили срочно бежать домой, но выехать из Петербурга не было возможности. Железные дороги бастовали. Бежать пришлось морем, на случайно возвращавшемся в Германию «купце». Перед отъездом представители консорциума передали Коковцову памятную записку, в которой резюмировали результаты переговоров, но оставлявшую вопрос о сроке проведения займа совершенно открытым. Коковцову пришлось «выразить надежду», что «недалеко то время, когда улучшившиеся условия денежного рынка, в зависимости от внутренних условий русской общественной жизни, дадут Министерству финансов возможность возобновить прерванные переговоры...» (Русские финансы..., 1926, с. 225—226).

Во вновь образовавшемся после 17-го октября правительстве Витте место министра финансов занял Шипов. Коковцов остался членом Комитета финансов и являлся как бы неофициальным товарищем министра финансов с исключительными большими правами. Он ведет не только ответственные переговоры, но и текущие дела по Министерству финансов. Витте с ним сносятся по очередным вопросам.

Октябрьские дни и поднявшаяся вновь волна аграрного движения напугала не только иностранных банкиров. Эти же обстоятельства устрешили и имущие классы царской России. Помещики и капиталисты стали бежать из России и бегство сопровождалось колоссальным для того времени отливом капиталов из России. По окончании войны, по мере эвакуации армии, из Манчжурии, стали возвращаться кредитные билеты, выпущенные за Байкалом. Начинала нарастать опасность непомерно большого предъявления кредитных билетов в кассы банка для размена. Фактически размен на золото приостановился на громадной территории страны под предлогом невозможности подвезти золото. Но

в крупных городах правительство не только стремится сохранить размен, Государственный банк беспрепятственно продавал иностранную валюту.

В Москве, в ноябре 1905 г., делегатское собрание Всероссийского крестьянского союза постановило объявить во всеобщее сведение, что представители крестьянского союза в будущем Учредительном собрании «будут считать незаконными и неподлежащими погашению все государственные займы, заключенные правительством после 10 ноября 1905 г., и всякая отсрочка платежей по старым займам будет считаться новым займом» (Протоколы..., 1906, с. 93).

Учитывая стихийно развивающееся недоверие к финансам царского правительства, Исполнительный комитет Петербургского Совета рабочих депутатов 23 ноября 1905 г. выпускает воззвание: «Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов признал необходимым ввиду наступающего государственного банкротства, чтобы рабочий класс и все бедные классы населения брали свои вклады из сберегательных касс и требовали всяких расплат, в том числе и получения заработной платы звонкой монетой» (История Совета..., 1906, с. 173).

Правительство Витте-Дурново по мере усиления своих военных сил переходило в наступление: 26 ноября оно арестовало председателя Петроградского Совета рабочих депутатов П. А. Хрусталева.

На следующий день представитель Центрального Комитета Всероссийского Крестьянского союза внес на заседании Петроградского Совета предложение присоединиться как к постановлению ноябрьского съезда Крестьянского союза и «заявить о том, что народ не будет признавать и уплачивать долгов, сделанных самодержавным правительством после 10 ноября» (день принятия постановления), так и к резолюции Московской группы Крестьянского союза, приглашающей «брать вклады из государственных сберегательных касс и банков, не платить податей, не давать рекрутов».

Совет принял эти постановления и поручил Исполнительному комитету вместе с революционными партиями выпустить манифест к народу. Это Обращение к народу, призывающее брать вклады из сберегательных касс, требовать уплаты заработка рабочим золотом, намечало новые пути борьбы с самодержавием. Революция делала все, чтобы организовать свои силы, но и одновременно пытались дезорганизовать силы врага, лишив его денежных ресурсов.

Государственное банкротство само по себе, конечно, не могло низвергнуть самодержавную власть, но банкротство, сопровождаемое восстанием всей страны, ослабляло царскую власть. Текст манифеста был принят 1-го декабря (История Совета..., 1906, с. 188—189).

Манифест Петроградского Совета рабочих депутатов

Ко всему населению России (принят в заседании Исполнительного Комитета 29/XI, отредактирован 1 декабря 1905 г. Комиссией из представителей Исполнительного комитета Крестьянского союза и социалистических партий):

«Правительство на краю банкротства. Оно превратило страну в развалины и усеяло их трупами. Измученные и изголодавшиеся крестьяне не в состоянии платить подати. Правительство на народные деньги открыло кредит помещикам. Теперь ему некуда деваться с заложенными помещичьими усадьбами. Фабрики и заводы стоят без дела. Нет работы. Общий торговый застой. Правительство на капитал иностранных займов строило железные дороги, флот, крепости, запасалось оружием. Иссякли иностранные источники, — исчезли казенные заказы. Купец, поставщик, подрядчик, заводчик, привыкшие обогащаться на казенный счет, остаются без наживы и закрывают свои конторы и заводы. Одно банкротство следует за другим. Банки рушатся. Все торговые обороты сократились до последней крайности.

Борьба правительства с революцией создает непрерывные волнения. Никто не уверен больше в завтрашнем дне.

Иностранный капитал уходит обратно за границу. Уплывает в заграничные банки и капитал «чисто русский». Богачи продают свое имущество и спасаются за границу. Хищники бегут вон из страны и уносят с собой народное добро.

Правительство издавна все доходы государства тратило на армию и флот. Школ нет. Дороги запущены. Несмотря на это не хватает даже на продовольственное содержание солдат. Проиграли войну отчасти потому, что не было достаточно военных запасов. По всей стране подымаются восстания обнищавшей и голодной армии.

Железнодорожное хозяйство расстроено, массы железных дорог опустошены правительством. Чтобы восстановить железнодорожное хозяйство, необходимы многие сотни миллионов.

Правительство расхило сберегательные кассы и роздало вклады на поддержку частных банков и промышленных предприятий, нередко совершенно дутых. Капиталом мелких вкладчиков оно ведет игру на бирже, подвергая его ежедневному риску.

Золотой запас Государственного банка ничтожен в сравнении с требованиями по государственным займам и запросам торговых оборотов. Он разлетится в пыль, если при всех сделках будут требовать размена на золотую монету.

Пользуясь безотчетностью государственных финансов, правительство уже давно делает займы, далеко превосходящие платежные средства страны. Оно новыми займами покрывает проценты по старым.

Правительство год за годом составляет фальшивую смету доходов и расходов, причем и те и другие показывают меньше действительных, грабя по произволу, высчитывает избыток, вместо ежегодного недочета. Бесконтрольные чиновники расхищают и без того истощенную казну.

Приостановить это финансовое разорение может только после свержения самодержавия Учредительное собрание.

Оно займется строгим расследованием государственных финансов и установит подробную, ясную, точную и проверенную смету государственных доходов и расходов (бюджет).

Страх перед народным контролем, который раскроет перед всем миром финансовую несостоятельность правительства, заставляет его затягивать созыв народного представительства.

Финансовое банкротство государства создано самодержавием так же, как и его военное банкротство. Народному представительству предстоит только задача по возможности скорей провести расчет по долгам.

Защищая свое хищничество, правительство заставляет народ вести с ним смертную борьбу. В этой борьбе гибнут и разоряются сотни тысяч граждан и разрушаются в своих основах производство, торговля и средства сообщения.

Исход один — свергнуть правительство, отнять у него последние силы. Надо отрезать у него последний источник существования: финансовые доходы. Необходимо это не только для политического и экономического освобождения страны, но и, в частности, для упорядочения финансового хозяйства государства.

Мы поэтому решаем:

Отказаться от взноса выкупных и всех других казенных платежей. Требовать при всех сделках, при выдаче заработной платы и жалования — уплаты золотом, а при суммах меньше пяти рублей — полновесной звонкой монетой.

Брать вклады из ссудо-сберегательных касс из Государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом.

Самодержавие никогда не пользовалось доверием народа и не имело от него полномочий.

В настоящее время правительство распоряжается в границах собственного государства, как в завоеванной стране.

Посему, мы решаем не допускать уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всем народом.

Совет Рабочих депутатов

Главный комитет Всероссийского крестьянского союза

Центральный комитет и Организационная комиссия

Социал-демократической рабочей партии

Центральный комитет Партии социалистов-революционеров

Центральный комитет Польской социалистической партии».

2 декабря 1905 г. манифест был напечатан в газетах. Правительство Витте приняло самые решительные меры против распространения манифеста (Витте, 1960, т. 2, с. 140—143). Оно отдало под суд редакторов газет, где был напечатан манифест.

Манифест ставил задачу борьбы с самодержавием на финансовом фронте. «Надо отрезать у него последний источник существования — финансовые доходы. Необходимо это не только для политического и экономического освобождения народа, но в частности, для упорядочения финансового хозяйства государства». Но это была ошибочная тактика. Московский Совет рабочих депутатов выбрал более правильную линию и призывал к организации вооруженного восстания.

Манифест составлялся поспешно и в него вкрался ряд фактических ошибок и редакционных промахов. Известным редакционным промахом в этом манифесте было употребление выражения «ссудо-сберегательные кассы», вместо «государственных сберегательных касс». Эти описки и ошибки дали возможность большого зубоскальства в прессе, враждебной рабочему классу. Следует признать большое политическое и финансовое значение манифеста 1-го декабря.

Из всех предложенных мероприятий особенный успех имело предложение брать вклады из сберегательных касс. Хотя редакция Манифеста была ошибочна, но широкая масса населения пошла за Советом.

До 1 января 1906 г. было взято 1486 млн руб., т. е. сумма почти равная мендельсоновскому займу 1904 г. Наибольший отлив вкладов был в Москве и Петербурге, в Балтийских губерниях, в Польше, в Закавказье.

Витте пришлось экстренно выпустить правительственное сообщение: «В последнее время в некоторых газетах печатается заявление от разных «бюро» и «союзов», приглашающее вкладчиков государственных сберегательных касс спешить взять свои вклады в виду предстоящего будто бы государственного банкротства; одновременно ведется в этом направлении агитация в печати и устно между вкладчиками, для чего агитаторы не только пользуются различными публичными собраниями, но являются на частные квартиры, настойчиво распространяя тревожные слухи о том, что государственные сберегательные кассы прекратят платежи и даже будут разграблены. Агитация эта *не осталась без влияния* на вкладчиков сберегательных касс, что и выразилось *усиленным требованием* вкладов» (История Совета..., 1906, с. 192).

Правительство спешило предостеречь вкладчиков от агитации этих лиц, но правительственные предупреждения наткнулись на недоверие вкладчиков.

Что касается прямых налогов, то правительство Витте еще 3 ноября в очень торжественной форме понизило выкупные платежи 1906 г. и совершенно освободило от них крестьянство с 1 января 1907 г.

Однако самым неприятным моментом для правительства в Манифесте Петербургского Совета рабочих депутатов была угроза не платить по долгам, заключенным тогда, как говорит Манифест, «когда правительство явно и открыто вело войну со всем народом».

В начале августа 1905 г. в Берлине вышла книга Рудольфа Мартина, советника Германского императорского статистического комитета «Будущность России и Японии». Книга его — политический памфлет. В основе книги лежит положение Бисмарка, выдвинутое им перед возникновением франко-русского союза и откровенно сформулированное в «Мыслях и воспоминаниях» (Бисмарк, 1899). «Пусть уж французы дают. Мы, немцы, желаем русским всего хорошего. Мы ровно ничего не имеем против того, чтобы французы помогли своим друзьям. Для нас это даже очень приятно. Благодаря верному разорению французов в качестве кредиторов России, мы, немцы, будем застрахованы с обеих сторон — от России и от Франции, так как оба опасные конкуренты будут при этом истощаться и экономически и политически». Это основной тезис книги. Несмотря на громадное количество нелепостей, в книге Мартина была правильна основная постановка, касающаяся проблемы русского государственного банкротства. Мартин доказывал, что в России при самодержавном строе прогрессируют непроизводительные расходы, что затраты на подъем производительных сил, в особенности сельского хозяйства и культуры, ничтожны, что государственная задолженность возрастает и что раньше или позднее неминуемо государственное банкротство. Мартин считал, что русское государственное банкротство наступит при необходимости платить большую контрибуцию Японии, или при продолжении войны, или при усилении революционного движения, или при прекращении дальнейшего кредитования России Германией и Францией (Мартин, 1907, с. 141).

Несколько раз Мартин в своей книге возвращается к мысли, что против русского банкротства никакие принудительные меры не будут иметь успеха. Мартин подчеркнул, что Россия — величайший в мире должник. В одной из заключительных глав он доказывает, что, если Россия пойдет на банкротство, то она сможет сделаться одной из могущественных стран Европы, так как освободившиеся денежные ресурсы она может направить на подъем производительных сил и обороноспособности страны (Мартин, 1907, с. 140—147, 262—268).

Вокруг книги Рудольфа Мартина началась в европейской прессе большая и неприятная для руководителей царских финансов полемика (Ленин, т. 11, с. 214). В этой, глубоко реакционной и черносотенной книге, ряд сопоставлений был правилен и многое, на основании русских же данных, было рассказано точно. Точно было показано бедственное положение крестьянской массы, нищенское положение дела народного просвещения, падение престижа правительства, нарастание революционного движения. То обстоятельство, что эти факты излагали лица откровенно ультрареакционных и националистических взглядов делало книгу особенно неприятной для царского правительства. В противовес Мартину, русское правительство на свой счет перевело на французский язык и издало книгу известного немецкого профессора К. Гельфериха «Les finances de 1904» и рассылало ее французским банкирам.

Будущий руководитель Deutsche Bank и будущий министр финансов Германии дал очень оптимистическую оценку царских финансов. Он был уверен в победе России над Японией.

Глава книги Рудольфа Мартина, специально посвященная банкротству России, была переведена Альбертом Тома и издана в Париже, в противовес французскому изданию книги К. Гельфериха (Martin, 1906).

Не имея возможности убедительно аргументировать в защиту государственных финансов, правительство Витте-Дурново в последние дни существования до-реформенного Государственного совета издает специальный закон (Закон об установлении ответственности за распространение ложных слухов о кредитоспособности государственных кредитных установлений). «Виновный в публичном разглашении или распространении ложных слухов с целью подорвать доверие к государственному кредиту или возбудить недоверие к платежеспособности государственных кредитных установлений, либо к сохранности денежных вкладов, внесенных в сии установления, либо к исполнению принятых ими по вкладам обязательств, или же с целью побудить вкладчиков к востребованию своих вкладов из сих установлений, подвергается заключению в тюрьму на время от одного года и четырех месяцев до двух лет» (Высочайше утвержденное..., 1906, с. 833).

Хотя Министерство финансов от имени правительства всячески отрицало возможность государственного банкротства, но финансы страны в последние дни декабря быстро приближались к роковой черте.

«Крестьянское восстание растет. Финансовый крах близится. Золотая валюта гибнет», — писал Ленин 4 января 1906 г. в первом номере «Молодой России» (Ленин, т. 12, с. 152).

Свыше 80 млн руб. в конце ноября и в начале декабря было взято из сберегательных касс вкладчиками. Пришлось экстренно разрешить Управлению сберегательных касс закладывать свои процентные бумаги в Государственном банке, чтобы производить дальнейший возврат вкладов. С 20 октября по 8 декабря Государственный банк продал иностранной валюты на сумму свыше 240 млн руб. Бегство капиталов стало массовым. К тому же приближался срок возврата денег по краткосрочным векселям, учтенным в Берлине у Мендельсона, на сумму 150 млн руб. По выполняемому бюджету и по уже открытым военным кредитам 1905 г. обнаружился непокрытый дефицит в 158 млн руб. Начатые подсчеты по государственной росписи на 1906 г. показывали возможность дефицита в 481 млн руб. Комитет финансов поручил Коковцову, Шванебаху, Шипову следить за состоянием денежного обращения. 9-го декабря министру финансов разрешается выпускать краткосрочные обязательства государственного казначейства на сумму до 400 млн руб. (ПСЗ, т. 25, № 27025). Тем же указом разрешалось эти обязательства учитывать в Государственном банке. Государственный банк был обязан выдавать по учтенным обязательствам золото.

Правительство решается срочно командировать в Париж Коковцова для переговоров о займе. Коковцов выезжает в разгар Московского восстания (17 де-

кабря). Его отъезд происходит в то время, когда Семеновский полк готовится к штурму Пресни. Карательная экспедиция Н. К. Римана пробивается по Казанской дороге (17—21 декабря 1905 г.). Коковцову дается наказ во что бы то ни стало добиться займа. Государственный банк получает указание повысить учетный процент до 9%.

Но на первом месте у Витте, Коковцова и Шипова стоит вопрос о векселях Мендельсона (Витте, 1960, т. 3, с. 243). Платеж по ним должен был производиться с января по конец марта 1906 г. С этими векселями надо было уладить дело. Мендельсон согласился переписать вновь векселя на 9 месяцев. Ведь никто не платил таких больших процентов (7% годовых). Мендельсону было приятно заработать 8 млн руб., а германскому правительству в этот момент было выгодно еще раз оказать услугу царскому правительству. 27-го декабря Мендельсон подписал договор о возобновлении учета краткосрочных обязательств. Пока шли эти переговоры в Берлине, положение Государственного банка ухудшилось.

В предвидении этого ухудшения, правительство Витте проводит через Комитет финансов и получает утверждение указа на выпуск кредитных билетов, не обеспеченных золотом. Вместо золота вновь выпущенные кредитные билеты должны были обеспечиваться торговыми краткосрочными обязательствами и краткосрочными обязательствами Государственного казначейства. Указ об этом, подписанный 16 декабря, не подлежал опубликованию, но на основании этого указа, между 23 декабря 1905 г. и 1 января 1906 г. было выпущено на 43 млн руб. кредитных билетов.

УКАЗ 16 ДЕКАБРЯ 1905 года.

Министру финансов.

Вследствие возникшей ныне необходимости принять особые меры для обеспечения денежных оборотов разрешить Государственному банку произвести новые выпуски государственных кредитных билетов на сумму не свыше ста пятидесяти миллионов рублей, с тем:

а) чтобы кредитные билеты, не покрытые золотом, обеспечивались временно впредь до восстановления нормального положения денежного рынка принимаемыми Государственным банком, согласно его устава в обеспечение краткосрочными обязательствами, а также краткосрочными обязательствами Государственного казначейства и

б) чтобы кредитные билеты временно выпущенные под обеспечение краткосрочными обязательствами Государственного казначейства, извлекались из обращения при первой возможности.

в) Указ сей объявить во всеобщее сведение, когда по обстоятельствам дела это будет признано Вами своевременным.

На экземпляре указа, посланного в Государственный банк, рукой Витте написано:

«Во исполнение сего Указа предлагаю Вашему Превосходительству производить по мере надобности кредитные билеты под указанное в Указе обеспечение».

Не довольствуясь этим, Витте и Шипов провели через Комитет финансов проект указа, расширившего эмиссионное право Государственного банка. По этому проекту предполагалось установить контингент кредитных билетов в размере 1400 млн руб. и покрытия золотом в размере 750 млн руб.

ПРОЕКТ ИМЕННОГО ВЫСОЧАЙШЕГО УКАЗА МИНИСТРУ ФИНАНСОВ¹

Именным Указом Вашим 29 августа 1897 г. установили Мы выпуск государственных кредитных билетов Государственного банка в размере строго ограниченном настоятельными в то время потребностями денежного обращения, под обеспечение золотом с тем, чтобы сумма золота, обеспечивающего билеты, была бы не менее половины общей суммы выпущенных в обращение кредитных билетов, когда последняя не превышает 600 млн руб. и чтоб кредитные билеты, находящиеся в обращении свыше 600 млн руб. обеспечивались золотом по крайней мере рубль за рубль.

Ныне, при чрезвычайно усилившейся потребности в денежных средствах для внутренних торгово-промышленных оборотов, надлежит повысить сумму кредитных билетов, могущих быть выпущенными без металлического покрытия, с тем, однако, чтобы общий размер выпуска билетов был огра-

¹ Проект не был утвержден.

ничен известным пределом. Мера эта, принимаемая временно, впредь до общего пересмотра устава Государственного банка, предоставит сему Банку способы облегчить, по возможности, денежные обороты и тем содействовать восстановлению правильной хозяйственной жизни страны.

Вследствие сего, по рассмотрении настоящего дела в Соединенном Заседании Комитета финансов и Департамента государственной экономики Государственного совета, постановляем нижеследующее: государственные кредитные билеты выпускаются Государственным банком в размере, строго ограниченном настоятельными потребностями денежного обращения, но не свыше одного миллиарда четырехсот миллионов рублей, причем сумма золотом, обеспечивающая билеты, должна быть не менее половины общей суммы выпущенных в обращение кредитных билетов.

Гр. Сольский
Ф. Тернер
Граф Витте
В. Коковцов
Д. Философов
П. Шванебах
И. Шипов

А. Куломзин
Д. Кобеко
Н. Шидловский
В. Череванский
П. Романов.

Приехавшего в Париж Коковцова ожидал довольно холодный прием. Банкиры все еще не верили в победу царского правительства на внутреннем фронте. Газеты брали крупные взятки, но печатали не радующие буржуазную публику сведения о России. «Обратите внимание на “Матэн”, — телеграфировал сердито Коковцову Витте в Париж. — Опять эта пасквильная газета очень вредит вашей миссии, распуская крайне тревожные сведения» (Русские финансы..., 1926, с. 243). Витте дал указания откровенно сказать, что, если французские банки не дадут денег, то «мы не будем в состоянии оградить интересы иностранных владельцев наших фондов». Французские банки не хотели рисковать.

Пока Коковцов вел переговоры в Париже, кризис все нарастал. Золото уходило из касс Государственного банка, Коковцову все не удавалось устроить краткосрочный заем в форме учета краткосрочных обязательств на сумму в 100 млн руб. Заем был предоставлен с тем, что будет погашен из большой кредитной операции, которая должна быть произведена в скором времени. Министерство финансов было чрезвычайно заинтересовано как можно скорее показать в балансах банка поступление от учтенных в Париже краткосрочных векселей.

Так как дальнейший ход развития революционного движения в России банкирам был еще не ясен, они согласились дать только 100 млн руб., на условиях, аналогичных русскому займу по векселям у Мендельсона. По правилам мендельсоновского займа владельцы краткосрочных обязательств Государственного казначейства имели право переучитывать их в Государственном банке. Коковцову, видимо, этого не хотелось. Он сообщал в Петербург: «От права переучета векселей в Государственном банке банкиры, вероятно, не откажутся, но с этими господами менее, чем с Мендельсоном, уверенности в том, что они не принесут разом этих обязательств при каком-либо политическом инциденте». Банкиры оставили право требовать уплаты займа в любое время по своему усмотрению. Русское правительство обязалось, кроме того, не вывозить из Франции суммы этого займа (Современное положение..., 1906, с. 21).

Несмотря на все свои опасения, французские банкиры дали денег на 12 месяцев. О большом долгосрочном займе банкиры нашли неудобным вести окончательные переговоры.

Когда Коковцов приехал в Париж, шли подготовительные переговоры к Алжирасской конференции, на которой должны были быть разрешены споры между Францией и Германией из-за Марокко. Коковцову удалось убедить тогдашнего премьер-министра М. Рувье в «неизбежности» предоставления России большого займа. Витте был нужен заем, а французскому правительству была нужна более четкая позиция России в спорах с Германией из-за Марокко.

В Кредитной канцелярии составляли проект указа о приостановлении размена (Витте, 1960, т. 3, с. 219). Пойти на приостановление размена означало полное закрытие внешнего кредита на ближайшее время.

Витте лучше чем кто-либо другой из членов правительства понимал значение займа 1906 г., как одного из основных мероприятий по борьбе с революцией. «Я ясно увидел, что для того, чтобы Россия пережила революционный кризис и дом Романовых не был потрясен, необходимы две вещи: добыть посредством займа большую сумму денег, чтобы не нуждаться в деньгах (т. е. в займах) несколько лет, и вернуть большую часть армии из Забайкалья в Европейскую Россию». «Мне было ясно, что первая Государственная дума, которая несомненно должна быть неуравновешенной и в некоторой степени мстительной, будет созвана, покуда правительство императора Николая II не будет иметь хороший запас денег и войск и начнет трактовать заем при Думе, то заем совершится не скоро, а время не терпело, и будет неудачен, так как банкиры предъявят более тяжелые требования...» (Витте, 1960, т. 3, с. 219).

Личный официоз Витте «Русское государство» подготавливал к этому общественное мнение. Он писал, что Правительство для покрытия дефицита нуждается в 700 млн руб. и старается их приобрести путем операции, которая возбудила наименьшие сомнения и наиболее соответствовала бы цели, но при нынешних обстоятельствах придется, вероятно, прибегнуть к способам, более или менее крайним, к которым, впрочем, неоднократно прибегали и другие страны, находившиеся в трудном положении.

КРЕДИТНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ

Министерство финансов подготовило проект указа о прекращении размена и проект был роздан членам Комитета финансов.

ПРОЕКТ УКАЗА О ПРЕКРАЩЕНИИ РАЗМЕНА КРЕДИТНЫХ БИЛЕТОВ

Совершенно исключительные условия, в которых находится в настоящее время внутренняя жизнь империи, отразились неблагоприятно на денежном обращении страны. При таких обстоятельствах необходимость вынуждает принять чрезвычайные меры, дабы сохраняя в полной неприкосновенности исполнение всех обязательств, принятых на себя государством по заключенным им внешним займам, не допустить уменьшения золотых запасов под воздействием преувеличенной тревоги, а частью и злонамеренной агитации и предоставить Государственному банку способы облегчать, по мере возможности, в период затруднений, финансовые обороты Государственного казначейства и населения. Вследствие сего, по рассмотрению настоящего дела в соединенном заседании Комитета финансов и Департамента государственной экономии Государственного совета, повелеваем:

1. Размен государственных кредитных билетов на золотую монету приостановить впредь до особого распоряжения.
2. Установить предельную сумму выпуска государственных кредитных билетов в один миллиард восемьсот миллионов рублей с тем: а) чтобы кредитные билеты сверх суммы, покрытой золотом, выпускались временно, впредь до восстановления нормального положения денежного рынка, под краткосрочные обязательства по учету и ссудам, принимаемым Государственным банком в обеспечение выдачи и б) чтобы кредитные билеты, временно выпущенные под обеспечение краткосрочными государственными обязательствами Государственного казначейства изымались из обращения при первой возможности (Кредитная канцелярия. Финансовый комитет. Дело № 56).

Коковцов доказывал в Комитете финансов, что ему дали 100 млн для сохранения размена, что отказ от размена будет прямым нарушением только что проведенных переговоров и совершенно закроет дорогу к большой кредитной операции в ближайшее время. Витте не решался до окончания Парижских переговоров приостановить размен.

Из Парижа подсказывали, что все затруднения будут устранены как только позиция России в начавшихся в это время спорах из-за Марокко будет ясна. Царское правительство дало указание своим представителям открыто перейти на сторону Франции. 7-го апреля были подписаны протоколы в Алжезирасе. Россия оказалась в русле Антанты. Дальнейшая судьба царского правительства была связана с Антантой.

Получение предварительного согласия французских банков и французского правительства было только частью работы Министерства финансов по заключению займа 1906 г. Во Франции Ж. Жорес вел в это время очень успешную кам-

панию против займа. Максим Горький, бывший в это время в эмиграции, выступил с горячей статьей: «Ни одного су русскому правительству».

Агитацию вели против займа не только социалистические партии, но и кадеты прислали в Париж своих представителей банкирам сообщить, что они будут считать заем недействительным (князь П. Д. Долгоруков и Московский адвокат В. А. Маклаков) (Витте, 1960, т. 3, с. 222). Буржуазная пресса в России заняла также враждебную займу позицию (Дневник А. А. Половцева, 1923, с. 99).

Когда шли в Париже переговоры о займе, во Франции изменился состав правительства. К. Фальер сменил Э. Лубе и министерство М. Рувье пало. 25 февраля 1906 г. старого стиля вновь сформированное Саррьена-Клемансо правительство было первым радикальным правительством Франции с момента возникновения Третьей республики. Это была, под влиянием первой русской революции, ориентация влево французской буржуазной политики. В кругах русских либералов и в кругах русской либеральствующей интеллигенции в это время имя Ж. Клемансо стояло очень высоко. Русский либерал видел в нем радикального вождя. Поэтому неудивительно, что русские либералы и русские мелкобуржуазные партии связывали большие надежды с уходом оппортуниста Рувье и появлением у власти левого республиканца Клемансо. Вопрос о русском займе был внесен в французский Совет Министров. Пуанкаре получил указания правительства продолжать политику Рувье и содействовать займу.

Делегаты кадетского центрального комитета добились приема президентом Республики К. Фальера. Представитель Центрального комитета Всероссийского крестьянского банка был у Клемансо и передал ему резолюцию московского ноябрьского съезда делегатов Крестьянского союза, но никаких результатов эти переговоры не дали. «Юманите» писала, «что французские подписчики являются не только соучастниками в преступлении, но и обманутыми дураками».

В противовес этим всем шагам, со стороны русских революционных и буржуазных организаций у царского посла А. И. Нелидова 18 апреля состоялось совещание заинтересованных лиц при участии Коковцова, министра финансов Пуанкаре и Рувье, чтобы подготовить меры противодействия против этих шагов со стороны представителей русских общественных организаций.

Французское правительство в лице Пуанкаре требовало доказательства, есть ли у правительства правоспособность заключения займа до созыва Государственной думы. Витте поручил составить соответствующую справку известному проф. С.-Петербургского университета Ф. Ф. Мартенсу. Записка Мартенса успокоила Пуанкаре. Добытки должны были спешить, говорил Ж. Жорес, «а то близок день, когда русский народ сумеет себя защитить» (*Les Emprunts...*, 1907, p. 78—79).

Представитель Парижско-Нидерландского банка Э. Нецлин приехал в Петербург и вместе с Витте разработал проект займа. Но для проведения займа всего этого было мало. Необходимо было еще подготовить к нему широкие массы мелких капиталистов, чтобы они спокойно принесли свои сбережения в кассы Лионского кредита, Главного общества, Парижско-Нидерландского банка и других кредитных предприятий, из которых составил консорциум для реализации грандиозного по тогдашнему времени займа. Главным воротилой всего консорциума был международный делец Нецлин. Он и агент Министерства финансов Артур Рафалович занялись усиленно раздачей взяток французской прессе. Газеты получили взятки за молчание. Агитировала за заем мелкая биржевая пресса и специальные аппараты банков (*Русские финансы...*, 1926, с. 289, 306, 314—315).

Витте и Коковцов усиленно добивались не только быстрого заключения займа до созыва Государственной думы, но и инкассирования, хотя бы части займа, возможно скорее. Дело осложнялось длительными переговорами между банками отдельных стран. Германия отказалась участвовать в займе под предлогом, что рынок ее будет занят реализацией внутреннего очередного займа Империи

(Витте, 1960, т. 3, с. 219—223). Американские банкиры, в лице Дж. Моргана, соглашались дать деньги, но только при условии предоставления промышленникам Соединенных Штатов каких-либо правительственных заказов.

При окончательном распределении займа между странами оказалось, что Франция берет 1200 млн франков, английская группа Беринга 330 млн франков, голландские банки Гоппе и Розенталь — 55 млн франков, австрийские банки — 165 млн франков. Русские банки обязались подписаться на 500 млн франков. Вся сумма займа номинально была равна 2250 млн франков, в русской валюте — 843 750 000 руб. Заем погашался в течение 40 лет. Конверсия или выкуп были отсрочены до 1916 г. Эмиссионный курс этого 5%-ного займа был для России, Франции и Австрии 88 за 100, а для Англии и Голландии — 89, а реализационный курс — 83,5.

Банки внесли правительству только 1 878 750 млн франков частями в течение почти целого года. Характерные были условия с австрийской группой (Французская биржа..., 1911). Она получила право оставить у себя половину инкассированной по займу суммы на два года, т. е. до момента разрешения котировки в Париже. Фактически заем русскому правительству обходился в 6,5% годовых.

Французские банкиры сделали чрезвычайно выгодное дело. Только при одной подписке на разнице между эмиссионным и реализационным курсами они заработали свыше 100 млн франков.

Отдельные участники международного консорциума получили еще специальные персональные вознаграждения. Так Нецлин получил 12 млн франков (Philippe, 1907, p. 27, 59)¹. Кроме того, подняв искусственно курс займа 1906 г., после окончания подписки банки заработали на этой спекуляции еще такую же сумму, если не больше, какую им уплатило русское правительство. Но едва ли не самое важное для парижских банков было то обстоятельство, что русское правительство фактически деньги оставляло у них на текущих счетах из $\frac{1}{4}$ процента (Витте, 1960, т. 3, с. 230). Французские банки размещали эти капиталы снова. 5%-ный заем 1906 г. был самым дорогим долгосрочным займом русского правительства за последние 50 лет. Указ о займе был подписан 4 апреля 1905 г. 9 апреля была открыта подписка на заем, продолжавшаяся только один час. 600 тыс. подписчиков предложили свои деньги русскому правительству (Русские финансы..., 1926, с. 321).

В день выпуска займа центральное бюро Союза Союзов (органа, объединявшего союзы интеллигенции) от имени всех групп, партий и организаций, примыкавших к нему, опубликовало в Париже следующую декларацию: «При помощи всякого рода унижительных приемов, царскому правительству удалось, наконец, заключить заем за границей, преимущественно во Франции, в размере около 850 млн руб. Эта сделка, отсрочивая неизбежное объявление банкротства царского правительства, позволит ему продолжать отвечать на требования народа пулями, штыками, тюрьмами, ссылками. Новые пушки, новые пулеметы, блиндированные автомобили, мобилизация казачьих полков, организация новых отрядов уездной полиции, увеличение полиции в городах, усиление корпуса жандармов, — таковы результаты этого займа для нас. Средства народа будут употреблены для вооружения наших угнетателей. Союз Союзов объявляет этот заем преступлением против народа. Он заявляет, что этот заем, заключенный без согласия и контроля народа, не может быть рассматриваем, как обязательный для будущего народного правительства России, о чем уже Союз Союзов заявлял зимой прошлого года» (Mater, 1906, p. 13).

Так при помощи налаженного аппарата и искусной подготовки, при помощи печати, крупному финансовому капиталу удалось мобилизовать мелкие французские сбережения и отдать их царскому правительству для продолжения

¹ Речь депутата Густава Руанне в Палате депутатов.

его империалистической политики. Заем был покрыт в 23 раза. Сразу не установилась премия на новый заем.

Все детали проведения займа были обсуждены при ближайшем участии французских министров — сперва Рувье, а затем Пуанкаре. Этот правительственный контроль со стороны Франции имел определенную задачу. Банкиры торговались с Коковцовым о размере их премии и объеме займа, а французское правительство вело переговоры о военной конвенции.

Накануне открытия подписки на заем, 8 апреля был подписан протокол совещания представителей русского и французского штаба, в значительной мере изменявший в пользу Франции условия военной конвенции. Генерал Ф. Ф. Палицын должен был подписать 8 апреля протокол совещания начальников русского и французского генерального штаба, в котором черным по белому было записано, что «Германская армия является главным объектом, против которого оба генеральных штаба должны направить и вести борьбу с полной энергией и всеми находящимися в их распоряжении средствами». В том же протоколе был записан ответ Палицына на вопрос французского штаба: в какой приблизительно срок предполагается восстановление русских вооруженных сил? «Начиная с апреля 1907 г., войска будут восстановлены в своих кадрах, улучшена их мобилизация, восстановлено нормальное обучение и они в состоянии будут бороться, как крепкий боевой организм, хотя и лишенный еще всех материалов (аксессуары), чтобы быть вполне, как говорят немцы, — *operationsfähig*. т. е. готовыми ко всякого рода операциям» (Зайончковский, 1926, с. 118, 119, 339—346).

Заем 1906 г. не только спас русское царское правительство от банкротства, но дал императорскому правительству возможность пережить 1906—1910 гг., дав правительству запас денег, которые вместе с войсками, возвратившимися из Забайкалья, восстановили «порядок» и самоуверенность в действиях власти (Витте, 1960, т. 3, с. 249).

Заем 1906 г. спас французской буржуазии ее прежние накопления, размещенные в русских бумагах, которые она покупала после заключения русско-французского союза. В то же время империалистическая Франция получила вновь на Востоке верного союзника, который, ликвидировав значительную долю своих восточных планов, снова начинал заботиться об укреплении своего западного фронта. Ему точно указывалось, какие железные дороги он должен строить на германской границе и вообще в европейской части своего государства.

В. И. Ленин показал, что кроме заинтересованности французской буржуазии в спасении своих, ранее авансированных капиталов, у всей европейской буржуазии был еще один чрезвычайно существенный момент — придти с денежной помощью царскому правительству в тот самый момент, когда шло единоборство между царизмом и революцией, «и буржуазия всего мира дает миллиардные займы явному банкроту, царю, не только потому, что ее прельщают, как всякого ростовщика, высоким барышом, но и потому, что буржуазия сознает свою заинтересованность в победе старого порядка над революцией в России, ибо во главе этой революции идет пролетариат» (Ленин, т. 16, с. 445).

В статье «Европейский капитал и самодержавие», напечатанной в 1905 г., В. И. Ленин отмечал, что «Европейский капитал спасает русское самодержавие. Без иностранных займов оно не могло бы держаться». И дальше: «Перед нами происходит то, что можно назвать спекуляцией международной буржуазии на избавление России от революции и царизма от полного краха» (Ленин, т. 9, с. 375, 378).

Самая неудачная и самая бесславная война царского правительства была в то же время одной из самых дорогих войн. Государственные расходы по Русско-японской войне распадаются на две части. Первая и большая часть их па-

дает на 1904 и 1905 гг. Они были велики по своим размерам, но их Государственное казначейство, как видно из предыдущего, вынесло относительно легко.

Вторую часть составляют расходы, связанные с ликвидацией последствий войны, они приходятся на 1906—1913 гг.

Распределение расходов по годам видно из следующей таблицы (Дементьев, 1917, с. 9):

Год	Млн руб.	% к общему итогу
1903	12,5	0,63
1904	526,3	22,9
1905	1099,7	47,9
1906	486,7	21,2
1907	115,5	5,0
1908	39,0	1,7
1909—1914	15,2	0,67
Итого	2294,9	100,0

В 1904 и 1906 гг. было издержано 1626,0 млн руб. — 70,8% всей стоимости войны. В 1906 г. было издержано 486,7 млн руб. — 21,2% и в остальные годы 8% всех расходов войны.

К этим непосредственным расходам на военные потребности нужно еще прибавить 39,3 млн руб. расходов царского правительства по кредитным операциям, связанным с Русско-японской войной (проценты, комиссии, куртажи и т. п.). Кроме того, государственное казначейство понесло различных убытков на курсовых разницах, главным образом, при размене кредитных билетов на серебро на Дальнем Востоке в размере 12,7 млн руб. Тогда сумма всех расходов по Русско-японской войне поднимается до 2346,9 млн руб. Эти расходы были покрыты следующим образом: реализация выпущенных займов дала 1912,9 млн руб., остальные 434 млн руб. были покрыты свободной наличностью Государственного казначейства, бывшей к 1 января 1904 г. в размере 381,3 млн руб., а также 52,7 млн руб. текущих поступлений бюджетов 1908—1914 гг.

При подсчетах расходов любой войны всегда приходится иметь дело с двумя величинами. Одна из этих величин обычно показывает непосредственно произведенные расходы, прошедшие через бюджет в период военного времени и в период непосредственно по окончании войны для ликвидации последствий войны. Эта цифра для Русско-японской войны выражается в размере 2346,9 млн руб. Но, кроме этого чисто бюджетного подсчета, может быть указана еще и другая цифра стоимости войны для народного хозяйства. Подсчет этой цифры чрезвычайно труден и связан с рядом условно принимаемых расчетов. Русско-японская война оставила после себя колоссальные убытки в виде погибшего флота, потерянного военного снаряжения армии в Маньчжурии, пенсионных расходов по выплате пенсий инвалидам войны и семьям убитых и погибших, платежа процентов и погасительных сумм по займам. Только в период 1907—1913 гг. царское правительство по займам Русско-японской войны должно было уплатить не менее 651 млн руб. Если бы платеж по займам Русско-японской войны продолжался бы до конца срока этих займов, то тогда бы русское народное хозяйство должно было бы уплатить по ним не меньше шести миллиардов. Приняв же во внимание все указанные потери народного хозяйства, в 1907 г. надо считать около 3—4 млрд руб. К 1950 г., если бы долги не были аннулированы советским правительством, Русско-японская война обошлась бы в 9—10 млрд руб.

Непосредственно бюджетные расходы по Русско-японской войне, выразившиеся как только что было указано в размере 2347 млн руб., были покрыты в размере 81,7% поступлениями от реализации займов, в размере 16,2% средствами, имевшимися в свободной наличности Государственного казначейства, и только в размере 2,1% бюджетными поступлениями, которыми воспользо-

лись только через 3 года после окончания войны, для покрытия разного рода оставшихся от войны расходов.

Налоговые доходы в покрытии расходов Русско-японской войны участвовали только теми случаями, которые были инкассированы до войны и вошли в состав свободной наличности, а также в состав тех бюджетных ресурсов, которые после 1908 г. были направлены на покрытие остатков расходов Русско-японской войны.

Через все докладные записки Министерства финансов, через все заседания Государственного совета и Комитета финансов 1905—1906 гг. проходила одна и та же мысль, что военные расходы в русских условиях покрываются только займами. Тщетно было бы искать какое-либо указание в официальных документах на роль налоговых ресурсов в покрытии расходов военного времени. «Некоторое отягчение населения налогами является неизбежным, ибо без этого нельзя будет предотвратить опасных последствий быстрого возрастания нашей задолженности», — заявило Министерство финансов в середине войны (Торгово-промышленная газета, 1905, № 76). Этим точно указывалась политика Министерства в отношении налогов во время войны. Они нужны только для покрытия предстоящих платежей процентов и погашения.

В первый год войны и не было произведено никаких изменений в налоговой системе. Только в 1905 г. вносится первое изменение в налоговых доходах. 31 декабря 1904 г. было проведено классическое для русской налоговой практики мероприятие: повышена цена на ведро водки, крепостью в 40 градусов, обыкновенного и столового вина, для Европейской России на 40 коп. и 1 рубль, а для губернии и областей Сибири на 20 коп. и 40 коп. Это повышение давало около 30 млн руб.

В апреле 1905 г. был проведен закон, по которому увеличивали вычеты из жалованья лиц, состоящих на государственной службе, в размере от 1 до 3%; повысили акциз на солод, идущий на пивоварение, в среднем до 33,75% акциз с зажигательных спичек удвоили; акциз с прессованных дрожжей повысили на 10 коп., обложили все продукты перегонки нефти с пуда акцизом в 60 коп. Пошлина с имуществ, переходящих безвозмездным способом, увеличена на 50%. Министерство финансов предполагало, что эти изменения дадут от 18 до 21 млн руб. в год (Об увеличении..., 1905). Министерство финансов повысило многие гербовые сборы и ожидало от этого около 5 млн руб. Широко Министерство шло на повышение различных таможенных ставок, не закрепленных договорами. Эти повышения должны были дать 24 млн руб. В области прямого обложения в 1905 и 1906 гг. были повышены ставки налога с недвижимых имуществ в городах и промысловый налог, дававшие увеличение доходов около 20 млн. Принимая во внимание доходы от разных небольших налогов, а также прирост в ежегодных поступлениях по этим налогам, все новые налоги и новые ставки должны были дать 117 млн руб.

Расходы бюджета по займам, заключенным для покрытия расходов Русско-японской войны, к середине 1906 г. были следующие: по свидетельствам Государственного казначейства, выпущенным в Париже в 1906 г., приходилось платить 15 млн руб. по 4,5%-ному займу 1905 г., заключенному в Берлине — 10,4 млн руб., по сериям 3,6%, выпущенным в 1904 г., приходилось платить 5,4 млн руб.; по двум выпускам 5% внутреннего займа 1905 г. приходилось платить 20 млн руб. Итого по займам, заключенным до займа 1905 г., приходилось платить 50,8 млн руб. Заем 1906 г. возложил на государство ежегодные платежи в размере 42,1 млн руб. Таким образом, ежегодные платежи бюджета по займам возросли на сумму 92,9 млн руб.

Министерство финансов в своих разного рода документах 1906—1914 г. обычно считало, что общий результат данных налоговых изменений к 1 января 1907 г. должен был бы давать 150 млн руб. новых доходов, учитывая и ежегодный прирост. Но в некоторых официальных изданиях результат налоговых ме-

роприятий 1904—1906 г. оценивается не свыше 117 млн руб. (Дементьев, 1912, с. 8). Если из этой цифры вычесть поступления, какие бюджет мог ожидать от отмененных в 1905 г. выкупных платежей, оказывается, что после полного применения налоговых мероприятий 1904—1906 г. бюджет получил увеличение своих ресурсов максимально — 95 млн, а по минимальному расчету 62 млн руб. Из этого ясно, что новые налоги, как средство покрытия расходов Русско-японской войны, не имели никакой роли.

Особое значение поэтому имело своевременное поступление средств, по, так называемому, международному займу. Этот заем спас золотую валюту и тем самым укрепил положение царского правительства, гибель которого ожидалась с месяца на месяц. Он дал возможность царскому правительству совершенно свободно свести концы с концами росписи 1906 г., в которую оно должно было включить почти 43 млн руб. на «текущее довольствие мобилизованных для внутренней службы казачьих войск, а также на дополнительные расходы по содержанию и передвижению войск, призываемых для подавления беспорядков», как гласят отчеты государственного контроля. Но эти сорок три миллиона рублей были непосредственными расходами по военным операциям, предпринятым царским правительством против русского народа, боровшегося против абсолютизма романовской династии. Кроме этих прямых расходов по борьбе с революцией, в то же время правительству приходилось проводить по тому же бюджету — расходы, которые являлись прямым последствием революции и задачей которых было ослабление революционных выступлений. В смету Военного министерства было внесено «на улучшение содержания и вообще на улучшение быта, на увеличение жалованья, усиление приварка, установление чаевого довольствия, отпуск белья и постельных принадлежностей и отпуск денег на мыло» нижним чинам — 31 млн руб. Это почти 9% военных расходов 1906 г. Деньги давались, чтобы ослабить возможность волнений в армии. В смету Министерства путей сообщения было внесено: «на улучшение быта служащих на казенных железных дорогах» 16,1 млн руб., чтобы задобрить железнодорожников, чтобы не сталкиваться с такими забастовками, какие были в 1905 г.

Источники

- Бисмарк*. Мысли и воспоминания. СПб., 1899, т. 2.
Бюлов Б. Воспоминания. М., 1936.
Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960, т. 1—3.
Витте С. Ю. Вынужденные разъяснения по поводу отчета ген. Куропаткина о войне с Японией. М., 1911.
 Высочайше утвержденное мнение Государственного совета за 1906 год // Собр. Узак. 6 июня 1906 г.
 Государственный банк. Краткий очерк деятельности за 1860—1910 гг. СПб., 1910.
Дементьев Г. Д. Во что обошлась нашему Государственному казначейству война с Японией. Пг., 1917.
Дементьев Г. Д. Свободная наличность Государственного казначейства. СПб., 1912.
 Дневник А. А. Половцева // Красный архив. 1923, т. 4.
Зайончковский А. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926.
 История Совета рабочих депутатов г. С.-Петербурга. СПб., 1906.
 К переговорам Коковцова о займе в 1905—1906 гг. // Красный архив. 1925, т. 10.
Ленин В. И. Европейский капитал и самодержавие // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 9.
Ленин В. И. К дебатам о расширении бюджетных прав Думы // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16.
Ленин В. И. Примечание к статье «Финансы России и революция». «Пролетарий» № 15, сентябрь 1905 г. // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11.
Ленин В. И. Рабочая партия и ее задачи при современном положении // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12.
Мартин Р. Будущность России и Японии / Пер. с нем. М., 1907.
Мигулин П. П. Финансы России в связи с экономическим положением ее населения. СПб., 1908.
 Министерство финансов 1903—1913 гг. СПб., 1914.
Морской А. Исход российской революции 1905 г. и правительство Носаря. М., 1911.
Мукосеев В. А. Русский денежный рынок. СПб., 1914.

Об увеличении некоторых налогов в связи с расходами, вызванными войной с Японией / Министерство финансов. Главное Управление неокладных сборов и казенной продаж питей и Департамент окладных сборов. 19 февраля 1905 г. № 1585, 6/41.

Отчет за время с 1904 по 1913 г. о результатах ревизии расходов, вызванных войной с Японией. СПб., 1913.

Парвус. Россия и революция. СПб., [1906].

Пролог Русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте. Пг., 1916.

Протоколы делегатского совещания Всероссийского крестьянского союза 6—10 ноября в Москве. М., 1906.

ПСЗ — Полное собрание законов. Собр. 3.

Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг. М.; Л., 1926.

Современное положение России и дружба Франции. СПб., 1906.

Французская биржа и русские ценности // Современный мир. 1911. № 11.

Шульце-Гаверниц Г. фон. Очерки общественного характера и экономической политики России / Пер. с нем. СПб., 1901.

Les Emprunts russes dénoncés au Parlement François. Paris, 1907.

Mater A. Le déficit russe. Paris, 1906.

Martin R. La Banqueroute russe. Paris, 1906.

Philippe P. Les fonds russes. Paris, 1907.